

Почему мы вернулись
в Россию

2–3

Байконур.
Ключ на старт!

4–5

Соль земли.
Вечная память!

6–7

Покаяние – это
вам не «I am sorry»

8

ПОМНИМ. СКОРБИМ...

В пятницу, 30 октября 2020 года, в России отмечается День памяти жертв политических репрессий. Он был установлен в связи с событиями, которые произошли 30 октября 1974 года – в день, когда политзаключенные лагерей Мордовии и Перми объявили голодовку в знак протеста против репрессий по политическим мотивам в СССР.

Официально День памяти был учрежден постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года, а уже 30 октября в стране впервые официально прошли гражданские акции.

В годы советской власти массовым репрессиям подверглись миллионы человек, репрессированных не только по политическим мотивам, но и за религиозные взгляды.

По данным статистики МВД СССР, в период с 1 января 1921 года по 1 июля 1953 года по обвинениям в совершении контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлений было осуждено 4 060 306 человек, из них 799 455 приговорены к высшей мере наказания.

В подтвержденной документами статистике особое место занимают 1937 и 1938, известные как годы Большого террора, когда наблюдался резкий взлет масштаба политических репрессий. За эти два года были осуждены по обвинениям политического характера 1,345 миллиона человек, или 35% от общего их числа за период 1918–1990 годов. К высшей мере за 1918–1990 годы были приговорены 828 тысяч человек, из них 682 тысячи (или свыше 82%) приходится на 1937 и 1938 годы.

В повседневную жизнь советских людей вошло понятие «враг народа». По решению Политбюро от 5 июля 1937 года жен «врагов народа» заключали в лагеря на срок не менее пяти лет. Детей «врагов народа» либо отправляли в лагеря-колонии НКВД, либо водворяли в детские дома особого режима.

«Чистке» подверглись все слои населения: партийные и советские работники, научная и творческая интеллигенция. Не избежали карательных санкций и представители рабочего класса и крестьянства. Было практически ликвидировано казачество. Подверглись преследованиям представители абсолютно всех религиозных конфессий.

Перед Великой Отечественной войной из рядов Красной Армии было «вычищено» 45% командного состава, а в годы войны и после ее окончания жестоким репрессиям подверглись советские граждане, вышедшие из окружения, оказавшиеся в плену, угнанные на работу в Германию.

От террора пострадали все народы страны. Более 2,6 миллиона (по другим источникам 3,5 миллиона) человек было репрессировано по национальному признаку.

Общее число лиц, подвергшихся репрессиям не в судебном (или квазисудебном), а в административном порядке, составляет 6,5–7 миллионов человек.

Основным объектом репрессивной политики режима в 1960–1980-е годы было

диссидентство (инакомыслие). За период с 1967 года по 1971 год органами КГБ было «выявлено» более трех тысяч группировок «политически вредного характера».

Точных данных о числе жертв массовых политических репрессий нет до сих пор. По данным общества «Мемориал», речь идет как минимум о 12 миллионах человек, по оценкам Музея истории ГУЛАГа – о 20 миллионах, свыше миллиона человек были расстреляны.

Реабилитация жертв политических репрессий началась в СССР в 1953 году. В середине 1960-х годов эта работа была свернута и возобновилась лишь в 1987 году.

В 1989 году началась массовая реабилитация. Был найден и предан гласности ряд мест массовых погребений, среди них Куропаты (Белоруссия), Левашово (Ленинградская обл.), Бутово и Коммунарка (Москва).

В 1989 году была подписана реабилитация жертв политических репрессий 1920–1950-х годов». 26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов».

18 октября 1991 года был подписан Президентом РСФСР закон «О реабилитации жертв политических репрессий», согласно которому все лица, подвергшиеся политическим репрессиям или пострадавшие от них (включая детей и супругов репрессированных) на территории РСФСР с 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 года, подлежали реабилитации. Она трактовалась как восстановление в гражданских правах, устранение иных последствий произвола, обеспечение «посильной» компенсации материального и морального ущерба.

В 1992 году была создана Комиссия при

Президенте по реабилитации жертв политических репрессий. 14 марта 1996 года вышел указ Президента РФ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».

В августе 2015 года была утверждена Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. В ее рамках реализации за прошедшие годы издавались книги памяти и архивные документы о репрессиях, создавались тематические музейные экспозиции, устанавливались памятники, закладные камни, памятные знаки и мемориальные доски, связанных с историей репрессий и памятью о их жертвах.

Одним из первых памятников жертвам политических репрессий в Советском Союзе стал Соловецкий камень, установленный 30 октября 1990 года в сквере у Политехнического музея на Лубянской площади в Москве. Гранитный валун, как особый символ России, был привезен активистами общества «Мемориал» с Соловецких островов, где находился лагерь особого назначения, преобразованный в 1937–1939 годах в Соловецкую тюрьму особого назначения.

Особыми местами памяти в Москве являются бывший стрелковый полигон НКВД в Бутово и спецобъект НКВД «Коммунарка», хорошо известные как места массовых расстрелов и захоронений жертв политических репрессий советской эпохи. В период «большого террора» в Бутово с августа 1937 по октябрь 1938 года были расстреляны 20 762 человека, а в «Коммунарке» с сентября 1937 по ноябрь 1941 года – 6 609 человек.

По сообщению Синодального отдела Московского Патриархата по взаимоотно-

шениям Церкви с обществом и СМИ 30 октября 2020 года в храмах Русской Православной Церкви прошли заупокойные литии по жертвам политических репрессий, а также в онлайн режиме на YouTube-канале форума «Имеющие надежду» была проведена акция «Молитва памяти», во время которой прочитывались имена пострадавших и погибших в результате репрессий, молясь также и о сотрудниках карательных органов, «которые сами впоследствии стали жертвами советской репрессивной машины».

По слову Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «вглядываясь в страшную трагедию, происшедшую в России в XX веке, мы задаемся вопросом: как такое могло произойти? Почему жители одной страны, соседи, сослуживцы преследовали и убивали друг друга? Каким образом грандиозная идея построить мир свободным и справедливым привела к крови и беззаконию?»

В чем была ошибка? Не в том ли, что люди стремились построить гуманное и справедливое общество, отвергнув духовные основы человеческой жизни и поставив нравственность в положение, подчиненное идеологии, что привело к оправданию несправедливости и к жестокости на пути построения «светлого будущего»?

Опасность отхода общества от нравственных норм ведет к кризисам. Сегодня всем нам следует осознать, что никакого светлого будущего не будет, если вновь в стремлении к таковому будущему уже под влиянием новых идеологий станет разрушаться нравственная и духовная основа человеческого бытия.

Нынешнее поколение не имеет права на повторение исторических ошибок: ненависть не должна руководить нами в нашем стремлении построить мирную, справедливую и благополучную жизнь, а потому и трагические страницы нашего прошлого не должны быть поводом для разжигания ненависти и усиления напряженности, а осуждение террора не должно из нравственного акта превращаться в политический ритуал.

При этом мы призваны никогда не забывать об этих страшных событиях, ведь жертвы братоубийственной войны, голода, религиозных и сословных гонений – это не безликая масса, а абсолютно конкретные люди, это наши предки, которые живут в нашей памяти, фамилии которых мы продолжаем носить и имена которых помним или должны помнить в наших молитвах.

Пусть Всемилостивый Господь поможет всем нам сделать правильные выводы из прошедших ста лет, из трагических событий, которые начались сто лет назад, и поможет нам никогда не повторять ошибок наших предков.

Да хранит Бог Землю Русскую от всех врагов, видимых и невидимых!»

По страницам
открытых источников

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРНУЛИСЬ В РОССИЮ

Отцу Андрею объяснительная записка от Ирины Ратушинской

Прилагаемая публикация принадлежит перу русской поэтессы и писательницы, диссиденту Ирине Борисовне Ратушинской, в 1983 году приговоренной за «антисоветскую агитацию и пропаганду» к 7 годам лишения свободы, досрочно в 1986 году освобожденной по заступничеству Рейгана, Тетчер, Миттерана и эмигрировавшей в Великобританию. Спустя 12 лет она с семьей вернулась в Москву, причиной чему явилось, по ее собственному заверению, «принципиальное несогласие работать против России». В написанных 20 лет назад «по горячим следам» размышлениях о причинах возвращения в Россию, запечатлена душа русского человека, вернувшаяся в отчий дом после странствий, с осознанием того, что родина, как мать, одна и иной ведь не бывает...

Нас с мужем лишили гражданства СССР в начале 1987 года, а вернули в середине 1998 года. 1999 год мы с детьми встречали уже в Москве.

Но возвращаться или не возвращаться – такой вопрос у нас не возникал. Потому что мы русские. И наши дети, рожденные в Лондоне, – тоже. Они, тогда шестилетние малыши, успели уже пару раз подраться в английской школе: кто-то из одноклассников заявил им, что раз они родились в Англии – они англичане, а раз они англичане – то должны признать, что Россия – плохая страна и русские – плохие люди. В этом была несокрушимая детская логика – с обеих сторон. Посмотреть любой канал английского телевидения – поверишь, что русские люди плохие, и правильно их чеченцы бьют. Забавно другое: почему же русским детям не подошел наиболее выгодный вариант – признать себя англичанами и быть, как все? Реакция мальчиков была, на наш взгляд, нормальная, мы другой и не ожидали. Но, если задуматься – откуда у них это взялось? Из домашнего уклада? Из русского храма? Но проповеди в храме были совсем о другом. Да и мы, понятное дело, бесед на патриотические темы с малышами не проводили.

Какому нормальному русскому человеку придет в голову в домашнем быту распространяться про любовь к Родине? Или, к примеру, носиться со списками великих русских людей? Я таких сроду не встречала. Это, если вдуматься, опять-таки интересно. Это не у всех так. Провести вечер с армянами или евреями – и можно убедиться, что разговор обязательно будет повернут на соответствующие национальные темы. С немцами или американцами – вероятность поменьше, но достаточно велика. Придет русскому человеку в голову вывесить на своем доме государственный флаг? А американцу придет, так они и делают. Можно проехать под какой-нибудь праздник по любой городской окраине – и убедиться. У них самосознание вполне совпадает с патриотической школьной пропагандой, у нас не совпадало отродясь. У многих народов принято вот так прямо и говорить о любви к отечеству, о своей уникальной национальности и так далее.

А у нас – только если отец Андрей спросит, да еще настаит на ответе. Вот тогда понимаешь: это русское в нас – вообще вне аргументации. Можно попробовать сформулировать, но приобрели мы это не через словесные формулировки, а то бы они были у нас с младенчества заучены и наготове. Откуда же это берется?

Хорошо, а что такое это русское вообще? Да и есть ли оно? А если есть – составляет ли ту основу души, которую нельзя переменить, не уничтожая полностью свою личность?

Да не только есть, но есть в таком объеме и с такой непреложностью, что в нормальных условиях мы этого и не ощущаем – как здоровый человек не ощущает своего здоровья. Мало того, мы очень и очень требовательны к тому, что эту основу составляет. Я заранее предупреждаю, что примеры, мною приводимые, будут на столкновениях с иными национальными традициями. Иначе – как синего на синем фоне или красного на красном – нашего и не разглядишь.

Германия, детский садик, воспитательница вызвала маму для беседы.

– У вашего сына странности в поведении. Вам надо показать его специалисту-психологу: у ребенка серьезная проблема.

Мама, обмирая:

– Что с ним?!

– Он, играя, делится с другими ребятами своими игрушками. Две даже вообще подарил.

Мама (русская, конечно):

– Ну и что?

– Как что? Он один такой в группе! Это ненормально! У него недоразвито чувство собственности. Если ребенок дает другим свои игрушки, значит, у него психологический дискомфорт, и он пытается купить любовь других детей этими вещами.

И смотрят мама с воспитательницей друг на друга, ничего не понимая. И не поймут

дал устроил! Отмороженные они там все какие-то...»

Сейчас словечко «отморозки» у нас применяется довольно широко. Именно по отношению к тем, кто не имеет никаких тормозов и этических норм. Все согласны: это страшно, что у нас такие появились. С этим надо что-то делать. А если заподозрить, что у них, «отморозков», просто система ценностей иная? Основанная, к примеру, на чувстве собственности? Почему бы им за рубль бабушку не зарезать? Что мешает?

Конечно, можно усомниться: причем тут одно к другому? Что, среднестатистический швед, со здоровым чувством собственности, тоже бабушку зарежет? Поклеп на шведов возводить не хочу: зарезать не зарежет. У него есть и тормоза, и этические нормы.

никогда. В русской детской компании проблема была бы у ребенка, не дающего другим притронуться к своим игрушкам, то есть, с точки зрения немецкой воспитательницы, – нормального. Такому ребенку было бы одно название: жадина, причем при всех политических режимах и во все времена.

Почему я все о детях да о детях? Да потому, что на детях – очевиднее, они совсем еще новенькие человеческие существа. Что в них уже проявляется в качестве норм поведения, то потом и составит их личностную основу. Уже взрослые мама и воспитательница и не припомнят: откуда у них такие разные представления о том, что хорошо, а что плохо? Вплоть до взаимного подозрения в психической ненормальности. А что еще русская мама может подумать, если ей сказать, что делиться – это значит пытаться купить любовь? Само словосочетание «купить любовь» – уже для нее дико.

Но по этой самой причине русская женщина, вышедшая замуж за шведа и живущая материально вполне благополучно, жалуется оставшимся в России подругам: «Забегала к соседке одолжить щепотку соли, так муж чуть не убил. Такой скан-

дальше не читает. Пусть едет в Америку и будет уверен, что найдет там счастье. У него не будет никаких нестыковок, и в Россию его никогда не потянет: он тут оказался по ошибке судьбы. Потому что описанный случай – как раз из американской жизни. Родителей суд приговорил выплатить дочери то ли миллион, то ли два (по своей безнадежной русскости такую важную деталь я не запомнила). Она и подала на них в суд потому,

Только не такие, как у нас. Вот и получается, что, не найдя этих тормозов и норм там, где мы их найти ожидаем, мы говорим про отмороженность в обоих случаях.

Да, у нас свои понятия о том, что можно и чего нельзя сделать за рубль, сто рублей, сто баксов, тридцать сребреников. Мы чрезвычайно остро реагируем на отклонения, считаем их непорядочностью. Проверим себя на примере.

Тридцатилетняя женщина подает на своих родителей в суд за то, что ее в детстве неправильно учили ходить на горшок, и от этого у нее теперь сексуальные проблемы. Бред? Или нормально?

что у мамы-папы денежки были, иначе хлопотать бы не стала. Но, все же, может, это для Америки ненормально? Как общественность отреагировала, прочитав такое в газетах? Отреагировала очень активно: целая цепная реакция пошла – подавать в суд на родителей. Успех-то налицо, так почему не попробовать? Если бабушку зарезать – успеха может и не быть. Могут арестовать и посадить, а это – уже неуспех, и общественное мнение за такое дело осудит. А если суд – на твоей стороне, и деньги получаешь, то знакомые здороваться не перестанут, можно не волноваться.

Если мой друг остался без работы и бедует – мне примерно ясно, что делать. И ему тоже. Нам обоим будет очевидно, чем я могу, а чем не могу помочь – в зависимости от моих собственных обстоятельств. Но все равно импульс «помочь» – будет первой, совершенно нормальной и ожидаемой реакцией. Ни мне не придет в голову его сторониться и бояться, что его неудача перейдет на меня, как вирус. Ни ему не взбредет скрывать от меня свои трудности и изо всех сил притворяться, что все в порядке – лишь бы его не сочли неудачником. Потому что мы не американцы, у нас так не принято. Для нас успех – это не религия, что бы там ни толковали сегодняшние рекламы насчет «престижности». А ведь они, сегодняшние рекламы, откуда обезьянничают? Переводят, с большей или меньшей грамотностью, из американских газет. Допускаю, что также из английских или немецких. Хотя на Европу эта эпидемия успеха любой ценой распространилась менее, чем дирижеры общественного мнения того бы хотели. Но тем не менее в европейских сборниках анекдотов, как и в американских, мы найдем привычные нам серии про супружеские измены, про приключения автомобилистов, про школьников, верюшек, бандитов и так далее. Ну, все, как у нас! Но серий, аналогичных сериям про «новых русских», – не отыщем. Кому смешно, а кому действительно, без кавычек, престижно...

Есть и другие области «нестыковок». Благополучная семья посещает бабушку в доме престарелых дважды в год – нормально? Школьники с удовольствием следят друг за другом и ябедничают, если кто списывает. Учителя, в свою очередь, учат их ябедничать. Уличному грабителю сопротивляться не рекомендуется. Рекомендуется иметь при себе десятку в нагрудном кармане и предложить грабителю самому ее достать. А то полезешь в другой карман – он разнервничается и пырнет отверткой. Если случилось оказать физическое сопротивление нападающему – то при аресте надо сразу оправдываться, что «очень перепугался и от испуга себя не помнил». Вообще, не надо стыдиться трусости: целее будешь. Напротив, «неуместная» храбрость может обернуться бедой. Упал в речку Потомак приземляющийся самолет, и один из случившихся на берегу мужчин стал вытаскивать из воды пассажиров. Случай этот попал в газеты, и пресса усомнилась: с чего это он полез на выручку? Это же не его работа? Нормален ли он психически? Парень, пока доказывал свою нормальность, работу потерял.

Народ народу – рознь. Так что в Америке русского дикаря предупредят, чтоб не уступал место женщине в общественном транспорте: можно нарваться на феминистку и получить оплеуху за подчеркивание

неравноправия. В Англии это сойдет, это можно. Там скорее предупредят, что при поступлении на работу, если спросят: «Как вы относитесь к гомосексуалистам?» – надо отвечать, что хорошо. Уже попытка сказать, что этим не интересуются, будет сочтена за увертку и маскировку плохого отношения к сексуальному меньшинству. Ну, и так далее... При этом американцы будут посмеиваться над англичанами, у которых экономика – что-то вроде национального спорта, и хорошая хозяйка собирает обмылки в баночку для того, чтобы с помощью специального пресса в один прекрасный день сделать из этих обмылков новый кусок. Англичане будут сдерживать улыбки при виде американца, добавляющего лед в коньяк и размешивающего его пальцем в бокале.

Шведы с полной серьезностью будут собирать и подкалывать в папку использованные автобусные билеты, не говоря уже о квитанциях за более солидные траты, – иначе как отчитаться по налогам?

А мы будем всему этому удивляться, но и понимать: не можем мы стать такими. Не хочется. И они нам будут удивляться: русскую икону на стенке держать – это хорошо, это красиво. Многие покупают. Но молиться перед ней? Это уже идолопоклонничество! Как можно этому учить детей?! А еще культурные люди... Так отреагируют в протестантских странах, во всяком случае.

Можно перечислять до бесконечности – от самого обычного, бытового (например, неэкономного мытья рук под струей воды) до самого серьезного (например, где и почему «честь» – уже неприличное слово). А я ведь веду сравнение с народами, имеющими хотя бы христианскую историю. С которыми взаимопонимание все-таки полегче. Которые взятие заложников, рабство и геноцид тоже считают нехорошими вещами, во всяком случае, сейчас.

Что же, значит, все «у них» так плохо, кроме магазинных витрин? Нечему и порадоваться, не за что и уважать? Да нет, в каждой стране есть чем залюбоваться. Я же толкую, что народы разные бывают (надеюсь, что это не вменится мне в пропаганду национальной розни).

Австралийцы приведут нас в восхищение нежным отношением к своим зверюшкам: там водитель машину притормозит, чтобы дать ящерице проползти. Англичане – любовью к своим садам и вежливым вождением на дорогах. Швейцарцы – щеголеватой аккуратностью своих усадеб. Ирландцы – дружелюбностью во хмелю. И, опять же, – так далее до бесконечности.

А в нас-то, в русских, – что хорошего? А что в нас – нам видеть и не положено. И тем более говорить. Это тоже этика такая. Потому все рассуждения, охи и вздохи о русском народе – с какими угодно эпитетами (чем слаще, тем нелепей) – еще с прошлого века звучали несколько фальшиво и всегда – как бы со стороны. Интеллигент ли, «в народ» идущий, – к таковому себя на старте не причислял и потому, как правило, не доходил. Советский ли журналист, сочиняющий гимн для Казахстана, где первые слова – «Наш великий русский брат», – тоже себя к нему не причислял. Иначе бы посовестился.

Русского ребенка, едва он говорить научится, много раз одернут: «не хвастай». Он и вырастая будет знать, что хорошее про него пускай лучше скажут другие. А у самого язык не повернется. Что помешает ему заняться саморекламой, полезной для хорошей карьеры. Зато, как мы полагаем, человеком будет. Это у нас – наследие Православия, которое даже два-три неверующих поколения промотать дотла так и не успели. Нам понятны слова, с которыми еще наши князья вели в бой дружины: за землю Русскую. За веру Православную. А за народ русский – как-то не звучало, ни тогда, ни сейчас. Потому что народ – это мы сами и есть, и не учили нас думать о себе в первую очередь. А если уж думать – то в смысле покаяться в грехах. И противостояния таковым. О душе учили думать. И естественная сегодняшняя реакция: недоучили! – вполне вписывается в эту самую традицию. Еще бы мы

думали, что мы этому как следует научены... Тогда бы уж точно все было потеряно. Нет, самодовольство, слава Богу, не привилось на нашей земле.

Посмотреть только, как даже коммунистическая идеология трансформировалась в России: от силовой победы – к полной нравственной капитуляции.

Первым делом сдали претензию порушить любовь к отечеству. От «пролетарий отечества не имеет» – вернулись к «патриотическому воспитанию молодежи».

Затем, и очень скоро, отправили на свалку «свободную любовь» и повернули к «моральности в быту». От ленинского «дети должны ненавидеть родителей, если они не коммунисты», потоптавшись вокруг так и не ставшего популярным образа Павлика Морозова, – махнули рукой и с видимым облегчением вернулись к семейным традициям. Идеи «общественного воспитания детей» – не сработали, и их потихоньку стали обходить молчанием.

Затем, почесав умные головы, отказались от экспериментов над образованием и вернулись к традиционным русским методам: в классе командует учитель, и никакой демократии! Нежным детским душам не повредит, если за работу строго спрашивают. Сама была учительницей, и наиболее частую родительскую просьбу помню: «Вы с моим разгильдяем поостороже!» Уступили и в этом. Это нам тоже повезло: в сегодняшних государственных американских школах детишки таблицы умножения – и той не знают, если им ее учить неохота. А, как правило, и неохота. Но как можно ребенка заставлять? У

него же будут комплексы! Это им и теперь аукнется, а в будущем аукнется еще и покруче. Сами уже тревогу бьют.

От игры на зависти: «Грабь награбленное!» – наши рулевые повернули к осуждению сребролюбия и корыстности. Урывая материальные блага, коммунистическая элита стыдливо скрывала их за зелеными заборами и в распределителях: знала, что всенародного уважения ей это не прибавит.

Пытались привить доноительство – но и тут уважения к доносам и доносчикам не добили. Оставалось доносчиков укрывать от реакции общества: реакция была резко отрицательная. До сих пор имена стукачей – по секретным архивам. Чтобы их не обижали. Также, между прочим, коммунисты кое-что усвоили: хоть своих не сдают.

Пробовали идолопоклонничать перед вождями – проваливалось, от одного к другому. Сами же их потом и развенчивали. Решили сохранить хоть Ленина – и на то нашли типичный для России ход: обяжали всех, во всех учебных учреждениях, читать его труды. Чем, разумеется, добились поголовного уклонения от такого чтения. Тем только

его репутацию частично и спасли. В городе Киеве в 1970-х годах был такой случай уклонения от воинского призыва: юноша прикинулся психически ненормальным, его и отправили на экспертизу. Так он в психбольнице по 5 часов в день конспектировал труды Ленина! Это сочли достаточным, чтобы диагноз подтвердить и освободить от службы в армии.

Начав с полного отрицания души, со временем, постепенно, завели разговоры о духовности, духовных ценностях, и даже начали упрекать молодежь за то, что «у них нет ничего святого». С религией коммунистам примириться было всего тяжелее: это шло с рывками и судорогами. Но – сдавали потихоньку: и Рождественские елки, и церковную службу, и Крещение детей, и ношение крестов, и иконы. И сами своих младенцев втихую крестили. Читаешь сейчас – глазам не веришь: в программе КППФ – «уважение к Православию и другим традиционным религиям народов России». Вот бы Ленину кто такое в 1920-м году показал!

Ничего не попишешь, национальный характер и такую идеологию обкатал до неузнаваемости.

Правда, и в грешных своих наклонностях он упорствовал с той же силой. Сколько было борьбы с употреблением спиртного! От потуг на «безалкогольные свадьбы» до истребления драгоценнейших виноградников! Но – не поддались. Продолжаем. Если в чем экстремизм – так в этом.

А в чем парадокс – так в том, что мы никогда собой и Россией не будем довольны. Представления о том, как должно быть –

тим, до чего мы с ней связаны. И объяснить это не сумеем. Да, может быть, и не надо. Есть наши предки, ушедшие в эту землю, ее же защищая. Есть наши святые – никто из них с нее не бежал, они и сейчас над ней и за нее стоят. Есть наша с ними со всеми связь, и за то нам – невидимая помощь и защита. Нам кажется, что этой помощи и защиты мало? Да не по заслугам много! Более чем достаточно, чтоб мы не переставали быть собой. Только увидев людей, себя добровольно этого лишивших, понимаешь, что мы всю жизнь принимаем не задумываясь, как должное. А наши банковские счета – что поделать! – наших святых не интересуют.

Чем глубже чувство, тем менее уместно вытаскивать его на поверхность. Оно – неуправляемо, не знаешь, когда проступит – с тем, чтобы снова уйти вглубь, где ему и место. Выйдешь иногда в снег, под звезды, закинешь голову – и задохнешься от невидимого тока: это мне – свое, у меня тут – со всем и со всеми единая связь. Молишься в храме, еще и тетка какая-то сбоку напирает, – и вдруг ощутишь горлом и ребрами, что так же точно молились когда-то в другом храме, подоженном со всех концов то ли ордынцами, то ли поляками. И те, давно там погибшие, – вот они, рядом, – свои. И тетка беспокойная. И все, все, которые когда-то пойдут к той же Чаше. После нас.

А потом – просто живешь, как обычно: будильник – детей в школу – слякоть под ногами – пробка на дороге – опаздываю – нет, успеваю – бабка милостыню просит – милиционеры хмурые – кто-то с Гербалайфом опять прицепился – хлеба не забыть купить... Никакого особого счастья не ощущаешь, да и с чего бы? Просто растишь детей, подаешь бабке, если есть что подать, и не забываешь купить хлеба. Ну, работаешь, ну, устаешь, и кажется, что все надоело. А потом приходят друзья – и смех, и разговоры заполночь, и кончилась чайная заварка, а метро уже закрыто, и кто-то остается ночевать. И что в этом такого, что можно было бы называть – Россия?

Звонит Аленка: вещи собирает. Девочка из того дома, что взорвали, одна из семьи уцелела, но осталась безо всего. Заходит сосед Володя: он в Чечню едет добровольцем, так попрощаться. Оставляет нам свою фотографию. Никаких особых слов не говорит. Проводили. Слава звонит: сын родился, 3 килограмма. Первенец! Вадимом назвали.

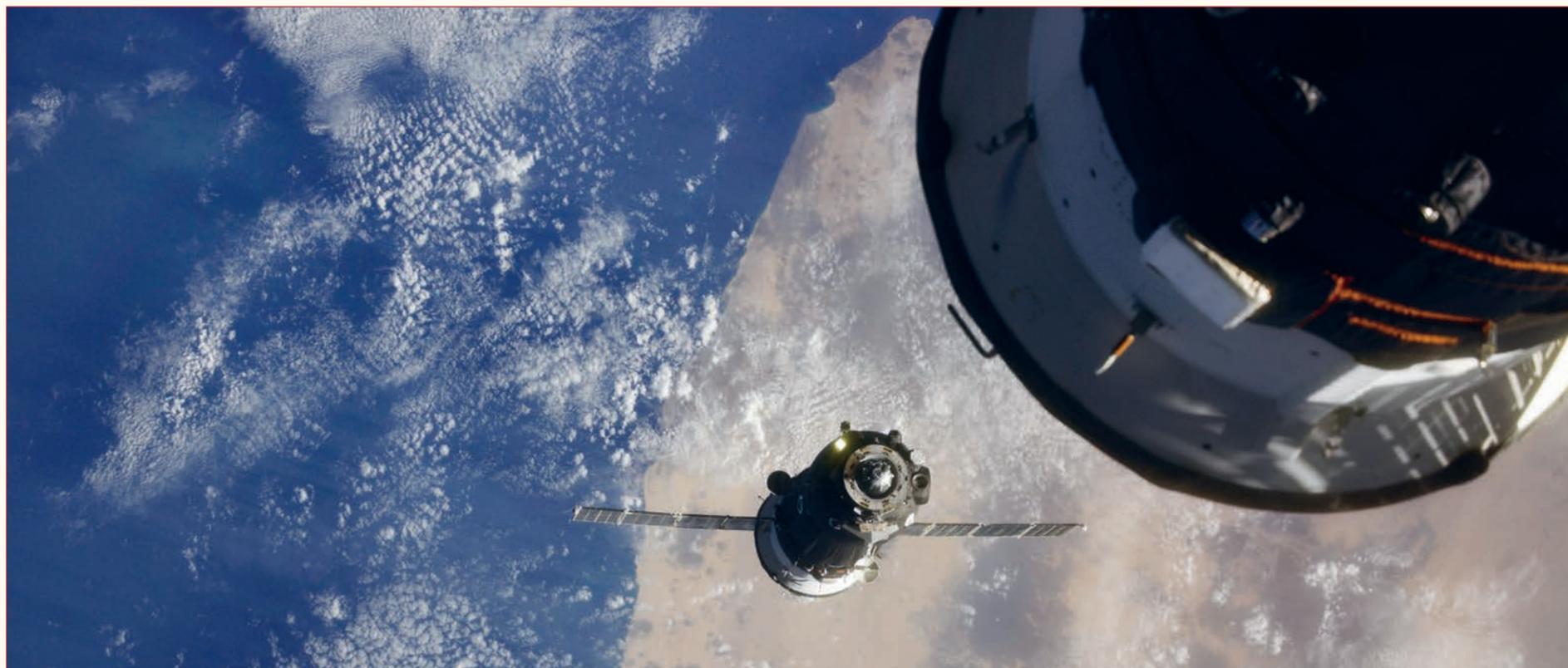
Волнуется Слава от неопытности, спрашивает: кормящей маме можно апельсины покупать? Не вредно? Из нашего дома слышно, как в церкви при больнице к службе звонят. Даже когда окна на зиму заклеены – слышно.

Сыновья по слогам читают заданный урок: сказку про жадных медвежат. Вчера учили стишок про Ванечку-хвастуна. Они, конечно, знают, что живут в России. Но, как все нормальные люди, над этим особо не задумываются. Что их ждет – я не знаю. И что нас всех ждет – тоже. Я слышу, как на кухне брякают чайными ложками и ругают какого-то очередного политика за хамство по телевизору. Я телевизор не смотрю, я пытаюсь ответить на вопрос отца Андрея: почему мы вернулись в Россию? А что тут ответишь? Все равно, что о смысле жизни.

Бесполезно анализировать любовь, если она есть. Нелепо ее декларировать во всеуслышанье, тут слова ничего не весят. Ее не проговорить, ее прожить придется каждому, а другим людям она только в делах и может быть видна каким-то краем. Так у нас принято: в чем другом – душа нараспашку, а тут мы застенчивы. Тут нам красивые формулировки подозрительными кажутся, и тем подозрительней, чем красивей. В самых любимых, самых русских песнях, которые и сейчас поют – об этом впрямую нет. Только мелодия что-то скажет, а слова – вроде бы совсем о другом. Да и то: еще много каждой любви предстоит проверок и испытаний. Что же, пока она вся не прожита, о ней и толковать.

Лучше бы, отец Андрей, вы меня о грехах спросили. Об этом мне легче было бы отвечать.

И никогда у нас не получится утратить чувство своей земли. Тысячу раз будем ею недовольны – а тронь ее кто, сразу ощу-

КЛЮЧ НА СТАРТ!

14 октября 2020 года руководители Движения «Россия Православная» приняли участие в торжественных проводах на космодроме «Байконур» экипажа 64-й длительной экспедиции на Международную космическую станцию

14 октября 2020 года, с космодрома "Байконур" стартовала российская ракета-носитель «Союз-2.1А» с пилотируемым кораблем «Союз МС-17» в составе космонавтов «Роскосмоса» командира корабля Героя России Сергея Рыжикова и бортиженера-1 Сергея Кудь-Сверчкова, астронавта NASA бортиженера-2 Кэтлин Рубинс.

Рано утром, в день старта, оставив на дверях номеров гостиницы свои автографы, космонавты под ставшую уже традиционной песню «Трава у дома», отправились на взлетную площадку космодрома, в монтажно-испытательном корпусе которого прошли процедуры по облачению в скафандры и проверке их на герметичность. На так называемой «нулевой» отметке стартового комплекса космонавтов провожали генеральный директор Госкорпорации «Роскосмос» Д.О. Рогозин, сотрудники ракетно-космической промышленности России, представители космических агентств, а также приглашенные, в числе которых была делегация Движения «Россия Православная» в составе Председателя Центрального Совета В.В. Остапчука, Председателя Попечительского Совета С.В. Смирнова и Председателя Наблюдательного Совета М.М. Иванова.

После доклада членам Государственной комиссии о готовности к полету экипаж 64-й длительной экспедиции на Международную космическую станцию занял свои места в ложементках космического корабля. В 08:45 со стартовой площадки космодрома «Байконур» был выполнен пуск ракеты-носителя «Союз-2.1А» с транспортным пилотируемым кораблем «Союз МС-17», который после отделения от третьей ступени ракеты-носителя, начал автономный полет к станции. Стыковка с МКС состоялась в 11:48. В 14:07 были открыты переходные люки: на станции вновь прибывших встречали российские космонавты Анатолий Иванишин, Иван Вагнер и американский астронавт Крис Кэссиди, приступившие к работе на модуле 9 апреля. Совместное пребывание на орбите двух экипажей продлится недолго – 22 октября экипаж «Союза МС-16» вернется на Землю.

Данный запуск явился рекордным, так как впервые в истории космонавты долетели до орбитальной станции всего за 3 часа

7 минут (двухвитковая схема полета вокруг Земли). До этого полеты длились 6 часов, а еще раньше около двух суток. Во второй раз в истории старт пилотируемого корабля серии «Союз» был осуществлен с помощью ракеты «Союз-2.1А» – на 100% российского производства (ранее космические корабли летали на ракетах с украинскими комплектующими).

Экипаж «Союза МС-17» проведет на орбите 177 суток. В его задачи входят проведение 55 научных исследований, из которых четыре – новые, и два выхода в открытый космос для подготовки отстыковки и затопления модуля «Пирс», запланированных на апрель 2021 года в целях освобождения места для нового модуля «Наука».

В дни пребывания делегации Движения на Байконуре состоялись встречи с начальником Управления министерства внутренних дел России на комплексе «Байконур», полковником полиции А.В. Кузьминым и руководителями подразделений, в ходе которых были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес.

Коллектив Управления выполняет задачи по защите законности и правопорядка в городе и на объектах космодрома, сохранности его уникальной испытательной базы. Управление – единственное подразделение российской полиции, действующее за пределами России, на территории суверенного государства – республики Казахстан, сотрудники которого обеспечивают безопасность жителей и гостей легендарного космодрома и города Байконур.

По представлению руководства УМВД России на комплексе «Байконур» ряд сотрудников Управления были удостоены высоких наград Движения.

В рамках программы пребывания на Байконуре делегация «России Православной» совершила обзорную экскурсию по городу, посетила музейный комплекс космодрома Байконур: Музей космонавтики, платформы 1 «Гагаринский стартовый комплекс», стартовые площадки «Протон», «Зенит» и «РКК Энергия», орбитальный корабль «Бурани», исторические домики Ю.А. Гагарина и С.П. Королева, музей истории УМВД России на комплексе «Байконур».

Соб. кор.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

21 октября преставился ко Господу один из самых известных пастырей протоиерей Димитрий Смирнов. Своими воспоминаниями о батюшке поделились его собратья и духовные чада

Протоиерей Владимир Вигилянский

Отец Димитрий был абсолютно Божий человек, и это самое главное и важное, это то, о чем сегодня нужно говорить. О его проповедническом даре, о том, что он никогда не был теплохладным, о его общественном темпераменте, о его отсутствии лицемерия и какой-то лести, которая присуща вообще каждому человеку. Он умел быть именно таким человеком, ярким, громким, не смотрящим на какие-то человеческие и мирские рамки. У него была сила – сила правды, сила постоянно говорить как человек, стоящий на амвоне. И этот образ проповедника, стоящего на амвоне, запомнится абсолютно всем.

Протоиерей Константин Тагаринцев

С отцом Димитрием мы знакомы с конца 1980 годов. Я тогда вернулся из армии, восстановился в аспирантуре в институте и посещал общину отца Владимира Воробьева. Как-то однажды мы собрались на квартире духовных чад батюшки, и среди участников я впервые увидел тогда еще достаточно молодого, с белым крестом, отца Димитрия Смирнова. Меня, помню, поразила его позиция. Мне-то тогда, еще и со всеми этими раскопками, виделось, что надо старые храмы реставрировать, какие-то исторические места возрождать. А он, наоборот, уверял:

«Надо идти туда, где люди. В спальных районах ставить хоть из фанеры первые храмы, и главное – начинать служить! Господь и священники нужны там, где сейчас люди! А не памятники истории и архитектуры...»

После общения в кругах археологов мне эта мысль показалась революционной. Это, напомню, еще 1980 годы – тогда ни о каком Втором Крещении Руси большинство и не мечтало. А он был новатором, который во многом двигал то, что и стало – возможно, благодаря таким, как он, – происходить.

Буквально через несколько дней после того, как я отца Димитрия впервые в весьма камерной обстановке увидел, я оказался на одном из стадионов, где была устроена встреча с богословами и священниками, все были настроены очень серьезно. И тут я вдруг увидел его во второй раз: идет такой жизнерадостный, весь сияющий отец Димитрий. У него всегда был этот всепообеждающий веселый дух. И столько, что его хватало, дабы зарядить огромную аудиторию. Отца Димитрия и тогда, еще молодого, слушали с замиранием. И это были люди, пока еще далекие от Церкви, – те, кто еще только открывал для себя Православие. Батюшка проповедовал любой аудитории всегда такими яркими и убедительно весомыми словами. Это были наши первые встречи.

А после мы уже регулярно встречались у протоиерея Феодора Соколова, с которым отец Димитрий был очень дружен. Потом отец Димитрий с 2001 года сначала был назначен и.о. председателя, а вскоре и возглавил Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Я стал там его помощником и преподавателем богословских дисциплин действующим офицером. Отец Димитрий и сам с удовольствием всегда с военным составом общался. Всегда с ним было радостно: его искрометный юмор, как молнии просто, разряжал обстановку и приподнимал дух. Так, что многое получалось и из того, что с иным настроением казалось бы и непреодолимым для других.

Тогда же еще все только надо было выстраивать: структуру, схемы, принципы общения. Штабного духа в вооруженных силах не было. Всюду надо было и с начальством, и на местах договариваться, решать, потом как-то передавать опыт.

Его организаторские способности изумляли: то, как он мог собрать, вдохновить, мобилизовать всех. Где бы он ни оказался, там сразу начиналась какая-то кипучая жизнь. Синодальный отдел очень быстро под руководством отца Димитрия расширился, стал

решать задачи с таким замахом, о котором раньше никто и думать не решался. А это же очень важно, чтобы люди, которые располагают оружием, имели еще и страх Божий.

Более 10 лет отец Димитрий отвечал за духовное окормление вооруженных сил России. Для многих военных поначалу, после десятилетий-то атеистического пресса, общаться со священниками было непривычно. Но если они видели добрый пример, настоящую веру, то и сами воодушевлялись как-то, и это уже со временем кристаллизовалось в то внутреннее духовное благородство и выдержку, которыми наша армия отличалась еще в царские времена.

Отец Димитрий – добрый пастырь и великий учитель наших дней, воспитавший целую плеяду священников, окормлявший огромное количество прихожан в своих восьми открытых и возрожденных храмах, только одному Богу ведомо, сколько обративший к Нему людей на всех тех миссионерских площадках, в эфирах, где он проповедовал Слово Божие.

Чем бы он ни занимался, что бы он ни за-

тевал с людьми, он оставался прежде всего душепопечителем. Разные дары – управленческий, ораторский-учительный, духовнический, – в отце Димитрии все это гениально совмещалось. Это такая глыба – кто только и может быть всем для всех, оставаясь самим собой и служа Богу.

Нина Секачева, искусствовед

Отец Димитрий был одним из самых живых, ярких, веселых остроумных, людей, встреченных мною в Церкви.

Эта веселость отнюдь не была чем-то поверхностным и внешним, но, скажем так, глубинным качеством его мощной и художественной натуры. Он был художник и по образованию, был соединен с артистической средой множественными связями и духом. Его суждениям была присуща широта и оригинальность, но не они были главным в нем. А доброта, позитивность и принятие людей.

Это нельзя подделать. Оно или есть или нет. У него было, и это можно было почувствовать даже при коротких соприкосновениях. Именно поэтому он собирал вокруг себя огромное количество людей.

Позднее я часто с грустным недоумением думала о том, насколько образ в медиа, составленный из обрывков его фраз, вырванных из контекста, растащенных по углам интернета и обмусоленных людьми, к сожалению или к счастью ничего не понимающими ни в личности отца Димитрия, ни в существе вопроса, – далек от реального человека.

Он не был мастером гладких и «правиль-

ных» текстов, хотя был очень популярным проповедником. Его личность не постигалась в пространстве теоретического дискурса. Он был живым свидетелем некоего нового и радостного бытия, другом и соратником важных для меня людей. И его деятельность, несомненно, составит одну из лучших глав нашего религиозного ренессанса рубежа веков.

Протоиерей Андрей Спиридонов

Помню, это было в марте 1991 года Великим постом. В общежитии Литинститута ко мне подошел сокурсник: «Ты знаешь, тут отцу Димитрию неподалеку храм отдали...» Речь шла про храм святителя Митрофана на Хуторской. Я пошел поинтересоваться. Сам я тогда только воцерковлялся. Иду я по этой Хуторской, а она вся такая промышленная на вид – заборы, заводы и... вдруг – храм! Захожу. И сразу увидел отца Димитрия!

Он был тогда еще молод. Такой орел – во всем его облике чувствовался размах и парение. Хотя сам храм меня сразу поразила какой-то домашней атмосферой. Я не знаю, как он мог этого добиваться, но такая задушевность на его и других даже многотысячных потом приходах ощущалась и не рассеивалась никогда. Рядом с ним каждый чувствовал, что такое Церковь-семья.

Тогда, когда я впервые увидел отца Димитрия, он читал молитвы. Сейчас уже не помню, какие: то ли входные, то ли перед исповедью. Я не знаю, может, это так Господь мне дал тогда пережить – тебя точно жаром обдало. И ты знаешь: уже не уйдешь никуда. Хотя на исповедях с отцом Дими-

советовать. Помню, когда я заканчивал уже Литинститут, меня позвали в аспирантуру. Я пришел к отцу Димитрию: «Как быть?» И вроде как сам склоняюсь...

«Ну, а что? Поступай», – отвечает он.

А когда я уже сдал все выпускные экзамены, мне так вся эта учеба надоела!

«Не могу я уже всей этой литературой заниматься!» – выпалил я тогда на исповеди.

Отец Димитрий так посмотрел на меня, улыбнулся и говорит: «Ну, тогда придется брать тебя со всеми твоими потрохами!»

А я тогда уже трудился при храме: сто рожем, книжки продавал, знал уже изнутри, как все на приходе устроено.

«Как хорошо!» – тут же отзываюсь.

«Но смотри, – видя мой энтузиазм, предупредил батюшка, – к нам, как в монастырь!»

«Еще лучше!» – закивал я (сам уже тогда подумывал было: а надо ли брать на себя бремя семьи? Я ж не знал, около какого апологета брака я стоял тогда на коленях).

«Но мы тебя женим», – уточнил тут же он, точно читая мои мысли.

Так все потом и произошло... А после меня рукоположили. Но отец Димитрий ничего никогда никому не навязывал, не вторгался в дело Промысла Божия о человеке. Он или предлагал, или скорее даже отвечал на твои вопросы. А выбор оставался за тобой.

То есть, с одной стороны, в чем-то главным он был принципиален, и переспорить его было невозможно, но, с другой стороны, в каких-то не столь важных вещах, житейских, он был очень терпелив, даже ласков и именно исполнен необыкновенной, какой-то материнской любви. У него было огромное сердце. Удивительный дар сопереживания. Тем, кто с ним лично не общался, этого, может, даже не понять. Люди требовали чего-то от него, ждали, искушали даже...

Он иногда мог и высказать какие-то жесткие соображения, если видел, что это пойдет на пользу. Но там, где действительно требовалось сердечное участие, он был невероятно деликатен, сам раним. Помню, когда лет 20 назад погиб один из его духовных сыновей, священник, батюшка просто места себе не находил, плакал у всех на виду. Я сам тогда очень сильно переживал и даже попытался было в этом поисповедоваться, а батюшка вдруг оборвал меня: «Это же хорошо». А не так давно, вот буквально в сентябре, мы общались, отец Димитрий сам уже был слаб, а все мне что-то говорил про мое здоровье.

«Батюшка, да за меня-то что переживать!» – вдруг спохватился я.

«Да как я могу не переживать-то за тебя?» – спросил он.

И вы представляете, скольких людей должен настоящий пастырь в сердце своем вмещать? Это же так больно. За всех и каждого переживать. Даже за тех, кого ты отличаешь, – переживать! Намучаешься. Священник в этом смысле – мученик. А он еще нес и апостольские труды – а это же тоже всегда муки рождения в своем сердце чад Божиих. А если сердце не вкладывать во все, что ты говоришь, – на что это слово-то будет способно?

Помню, несколько лет назад батюшка как-то обронил такую фразу: «А мне теперь стало интересно детей слушать». Не наставлять их, не учить уму разуму, а именно слушать... Причем он же это вот сейчас уже сказал, сам обладая опытом, мудростью. Занимаясь приютами, он там слушал каждого лично. А не так, что к его приезду всех собирали в актовом зале, и он им что-то с трибуны вещал. Можно, оказывается, и вниманием взрачивать детей. И это, наверно, самый действенный метод.

Мы все осиротели с уходом отца Димитрия, человека огромного масштаба.

Майя Кучерская, литературовед

Когда мы познакомились, ему было чуть за сорок. Лучезарный, всех любящий батюшка, который хотел только одного: всех обогреть, всем помочь, всех спасти.

Он отдавал себя все 24 часа в сутки. Несчастным теткам, неприкаянным девицам, философствующим молодым людям, одиноким старушкам, мальчикам-сиротам, безумцам – всем, кто к нему приходил.

Ликовал с теми, кто весел, плакал с теми, кто горевал. И это не фигура речи, это правда так. Плакал, улыбался, часто шутил. Очень смешно. Иногда довольно едко, отрезвляюще. Каждого видел насквозь.

И помогал, помогал, помогал...

Как у Христа за пазухой – с ним я поняла, как это. Вот так: тепло, надежно, навсегда. Он был отцом и матерью. Это продолжалось годы. Бесконечные счастливые годы. Потом он стал совсем уж знаменитостью, публичным лицом, что-то говорил, и многие судили о нем по его словам. Не по делам. А его добрых дел не сосчитать, не исчислить.

Из спасенных им – от самоубийства, алкоголизма, от тюрьмы, сумы, от такого разного человеческого горя – можно составить город, страну. Но, наверное, две – потому что об очень многом он никому не рассказывал. Никому эти убогии не были нужны, а ему – да. Он грел собой этот ледяной мир, сколько мог, пока мог.

Уже тяжело больным, совсем недавно он звонил мне и просил помочь одной девушке, сироте. Знаю, что сам он тоже дал ей денег на обучение. И таких историй – тысячи.

Мы так часто и так легко его судили, не то сказал, но кому, скольким людям помогли мы? Кого сумели полюбить мы? Я?

Он построил целое царство – с храмами, чудесными садами, цветниками, чтобы все мы радовались, благодарили Бога, любовались... Великий. Русский богатырь. У любви его не было дна...

Протоиерей Александр Ильяшенко

В последний раз мы с ним виделись 18 сентября в день 70-летнего юбилея владыки Пантелеимона. Мы служили в храме, отец Дмитрий был уже на колясочке, но всю службу молился в алтаре и причащался.

Он был, как всегда, в хорошем настроении. Никаких уныний и горестных вздохов, после того, как его состояние резко ухудшилось, у отца Дмитрия не было.

А было внутреннее спокойствие, уравновешенность, радость и глубокая покорность воле Божией: «Господь так судил, значит, так тому и быть». Его тело стало немощным, а дух бодрым по-прежнему.

Отец Дмитрий на протяжении своего священнического служения вел очень напряженный образ жизни. Он выкладывался полностью, служил Богу, Церкви и людям. Поэтому у него накопился целый букет заболеваний. Весной он заболел вирусом, который на фоне тех болезней, которыми болел отец Дмитрий, дал осложнение.

Тут можно отметить некую его прозорливость. Он почувствовал, что это последняя его болезнь. Сам попросил, чтобы Святейший Патриарх Кирилл снял с него послушание председательства в Патриаршей комиссии по семье, а также послушания настоятеля в тех храмах, которые он воссоздал, и которые благодаря ему наполнились множеством людей.

Я не знаю, могу только предполагать, но думаю, что он понимал, что уже не сможет вернуться к активному служению. Он готовился к смерти. Он, здесь на земле, завершил дела и передал часть своей огромной нагрузки нескольким людям. Ту нагрузку, которую он в одном лице соединял. Это еще больше подчеркивает его значимость для Церкви.

Познакомились мы с отцом Дмитрием в конце 1970 начале 1980 годов. Тогда по Москве прошел слух, что два молодых человека с высшим образованием пошли в санитары, чтобы потом поступить в семинарию, – это в те-то времена. Один из них был отец Дмитрий, второй – владыка Пантелеимон. Они дружили с юности.

Потом в течение ряда лет несколько приходов со своими священниками ездили в подмосковный храм Дмитрия Солунского на престольный праздник. Один из этих священников был отец Дмитрий Смирнов. Там я с ним и познакомился.

Он привлекал внимание любого человека: физически очень крупный, жизнь в нем кипела, он заряжал своей радостью, своим юмором окружающих.

Когда его назначили настоятелем храма Митрофана Воронежского, мы были на освящении храма. Я помню, с какой пламенной глубокой молитвой и благоговением он молился, когда освещали храм.

Отец Дмитрий всегда старался поднять настроение собеседника. Говорил мудро и весело. Это очень важно, особенно для человека, который пришел на исповедь. Ему и трудно, и страшно вато, он может бояться, что священник его осудит. Но отец Дмитрий отлично умел разряжать обстановку. И вообще он был человеком экспромта.

Но мог быть и резким: чтобы пробить тол-

щу греха, самодовольствия, ограниченности, когда мягкость будет не услышана. Это приводило к тому, что кто-то задумывался, почему священник так сказал? У кого-то это вызывало бурю протеста, возмущение. Но важно не только то, какие именно слова человек сказал, но и то, какое впечатление он произвел. Отец Дмитрий производил очень сильное впечатление. К нему невозможно было относиться равнодушно. Он один из тех немногих, которые смогли глубоко коснуться души людей.

Один из священников сегодня так прокомментировал сообщение о смерти отца Дмитрия: «умер на 69-м году жизни, а сделал лет на 200».

Чтобы оценить жизнь христианина, можно задать один простой вопрос: «Что такое любовь?» Любовь – это стремление подвигнуть человека ко спасению души. Посмотрите, сколько людей вокруг отца Дмитрия спасались. Скольких он сумел наставить на спасительный, благодатный, полноценный жизненный путь. Скольких уберег, отвратил от греха, сколько маленьких жизней спас, уберегая женщин от горьких ошибок. Скольким детям он помог, опекая приюты. Шутка сказать: брать детей, от которых отказались родители, которые никому не нужны. А вот ему были нужны.

А сколько военных, благодаря отцу Дмитрию, изменили свое отношение к Церкви, стали ее чадами? Скольким рядовым солдатам он помог и лично, и тем, что способствовал появлению в воинских частях военных священников – капелланов. Всего, что он сделал, невозможно перечислить.

Владимир Берхин, президент фонда

Отец Дмитрий Смирнов ушел ко Господу и теперь держит ответ за свои дела и свои слова перед Тем, Кому верно и усердно служил большую часть жизни.

Он был резок в суждениях и добр в делах. Его публичная активность была такова, что многих людей от Церкви могла скорее оттолкнуть, нежели привлечь. От всего, что он делал и говорил, веяло чем-то древним и подлинным: может, он и казался кому-то недобрим, но никто не посчитал бы его тусклым и скучным.

Ближние вспоминают его как заботливого и чуткого человека, кладущего душу за дорогое ему дело и людей, дальние – резкого и провокативного, как сейчас говорят, спикера, которого упрекали в троллинге, юродстве, жестокости к людям. Он был генеральным церковным менеджером, великим благотворителем и проповедником, духовным руководителем множества семей и даже общин. И, может быть, именно тут кроется причина его неоднозначности. Перед ним проходила огромная череда людей, и людей большей частью несчастных. Женщины, со сбитыми смутным временем ориентирами, влекомые страстями и измученные бытом и бедностью.

Человек огромного масштаба личности, отец Дмитрий лучше других видел очень простую вещь: насколько все в нашем Отечестве, а может быть и во всем мире – плохо и гнило. Опытный духовник, отец Дмитрий

жил среди чужого отчаяния и вынужден был поддерживать и утешать такое количество людей, которое никому из нас не придется. Каждый день на протяжении всех долгих лет пастырского служения.

Он был светильник, горящий и светящийся, и многие приходили греться в его лучах. Искренняя его вера отучила идти на компромиссы и придала всем мужества.

Отцу Дмитрию выпало созидать в эпоху, когда почти все разрушалось. И только масштаб общей энтропии мешает понять ту мощь, которая посетила нас.

Епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон

Перед отцом Дмитрием неудобно лицемерить, прикрываясь мнимым благочестием, перед его гробом хочется сказать главное: он был очень добрым и смелым, совершенно бесстрашным человеком, не боялся говорить правду, о которой свидетельствовал и своими словами, и всей своей жизнью, нравилась она кому-то или нет.

Он боролся за добро и делал это остро и ярко, говорил подчас резкие слова, иногда грубые, но говорил от всего своего страдающего и сочувствующего сердца.

Может быть, отец Дмитрий – это такой пророк современности, который обличал пороки общества, говоря правду от боли за тех, которые бывают унижены и поруганы современным миром.

В словах отца Дмитрия была удивительная сила, исходящая из его любящего сердца, – сила любви. Любовь в нашем мире иногда бывает слишком бесхребетной – та-

кая среди чужого отчаяния и вынужден был поддерживать и утешать такое количество людей, которое никому из нас не придется. Каждый день на протяжении всех долгих лет пастырского служения.

Наталья Сидорина, директор детского дома «Павлин»

Отец Дмитрий очень любил детей. Одно его выступление процитирую близко к тексту: «Что такое счастье? Я за свою жизнь построил несколько храмов, еще столько же восстановил, прочитал 1000 лекций, провел сколько-то тысяч радио- и телепередач, прочитал множество книг и написал тоже немало, но ничего счастливее, чем забота о детях, нет на этой земле и быть не может».

Встреча с детьми для батюшки всегда была отрада.

Полгода назад к нам пришел мальчик Артем. Но так как он был совсем еще маленьким, а церковная лексика ему и вовсе была незнакома, то слово «батюшка» у него ассоциировалось со сказками. Поэтому, когда он впервые увидел того, кого у нас все так ждали, переговариваясь «Батюшка едет!», он, выйдя навстречу отцу Дмитрию, так и сказал: «Царь-батюшка». «Это наш царь-батюшка, – пояснил, – приехал».

Все об отце Дмитрии как о таком человеке-глыбе говорят. А видели бы вы, как он умел спрыгнуть к детям! Как же он исповеди у них принимал! Когда они подходили, он просто менялся в лице. Благословляя после исповеди детей, обязательно обнимал каждого. Точно в сердце свое каждого этого человечка принимал.

Сердце батюшки было настолько чувствительно ко всему, что касалось детей, что он плакал постоянно. Вот только начинаешь рассказывать, а у него слезы уже на глаза навораживаются и – потекли. Настолько он был добрым и ранимым. Он никого из поля зрения – мысленного, сердечного – не выпускал: «а этот как? а тот?», по именам всех перебирая. Для нас батюшка так и остается: домашним, родным, любимым – и очень доступным всегда. Приходит, тапочки надевает, в креслице садится – очень домашний такой, свойский – отец! Души – добрейшей, человеколюбец.

В последний раз он был у нас на Рождество Пресвятой Богородицы – ровно за месяц до своей кончины. После службы была праздничная трапеза – в этот праздник мы всегда все вместе с батюшкой собирались и смотрели наш домашний фильм о каждом очередном прошедшем лете. И вот сидим мы так за столом, что-то обсуждаем... И вдруг обратились к нему: «Что вы думаете о том-то?» – «Я ничего не думаю, – отвечает он, – я перед судом уже стою».

Он действительно очень серьезно готовился к переходу в вечность, но детей как любил, так и продолжал любить. Буквально за несколько дней до кончины я спросила у батюшки: «Что можно было бы сделать для Вас? Чего Вы больше всего хотели бы?»

– «Оказаться в детском доме», – ответил.

Здесь всегда он находил с детьми какое-то успокоение. Дети его всегда облепят, кто по бороде гладит, кто в нагрудном карманчике что-то перебирает, другой шепчет на ухо – батюшка просто среди малышей млел. Глаза у него тут всегда горели, какая-то под конец посещения даже хулиганская уже улыбка была. Он очень всех ребяток любил.

На прощании у нас один очень уж активный мальчишка подошел к гробу... А я потом и спрашиваю у него: «Ну что? Попрошались?» – «Да, я приложился к батюшкиной голове, и он мне прошептал...» – «Что?!» – «Веди себя хорошо».

У меня спрашивали на днях: «Кто же у вас будет теперь духовник детского дома, детей?» Мы знаем, куда идти. Для каждого из ребят он так и останется в сердце духовным отцом. Духовники будут. А отец – один.

Вскоре после смерти у меня совсем крошечный наш воспитанник спрашивает: «А батюшка уже проснулся?» «Нет, – говорю, – батюшка умер, он уже не проснется». «Я бы за батюшку умер», – говорит вдруг этот малыш. «Что ты имеешь в виду?» – «Я бы умер, – так и поясняет, – лег бы в могилу за него». – «А почему ты так говоришь?» – «Потому что я хочу, чтобы он жил, я готов умереть, чтобы батюшка оставался живой».

Из открытых источников

Я сердечно благодарю всех вас, дорогие

ПОКАЯНИЕ – ЭТО ВАМ НЕ «I AM SORRY»

Отец Димитрий часто высказывался резко – так, что с ним начинали спорить, зачастую не понимая истинного смысла слов, который вкладывал в них батюшка. Чаше он говорил все же о другом. И любили его совсем не за это. Его речь была афористичной, юмор – тонким, а ум – острым. Многие фразы, сказанные им, запомнятся надолго, если не навсегда. Вспомним некоторые из них

▪ Христианство – это не про то, какими должны быть окружающие тебя люди. Христианство – это про то, каким должен быть ты, независимо от того, какие люди тебя окружают.

▪ Христианин – это не тот, кто верует в учение Христа, а тот, кто верует во Христа! И верует Ему!

▪ У христиан совершенно иная задача жизни, чем у людей мирских – подчинить свою жизнь воле Божьей. А не настроению. Если ждать вдохновения, настроения, тогда просто не успеешь стать христианином.

▪ Если у человека спросить о том, какой грех самый страшный, то ответы можно услышать разные: убийство, прелюбодеяние, воровство, предательство, подлость и т.д. Но на самом деле страшнее неверия ничего нет, так как именно оно порождает все эти тяжкие грехи.

▪ Те, кто верует в душе, пусть едят в душе, пьют в душе, а когда девушка понравится, и женятся в душе. А еще можно в душе за зарплатой сходить в кассу. Вера в душе – это отсутствие веры.

▪ Человек вычитывает молитвы десятками и думает этим угодить Богу. Ты глупый совсем? С кем ты торгуешься? Богу не количество нужно, а искренность. Иногда проще вообще перекреститься, но чтобы от всего сердца.

▪ Богослужение – это постоянное напоминание о Евангелии. В течение года в храме «проживается» все Евангелие. Это совершенно гениальное изобретение с точки зрения педагогики! Я сорок лет служу и не перестаю удивляться совершенству того организма, который называется богослужением. Оно евангелиецентрично.

▪ В силу того, что человек живет в совершенно другой стихии, Евангелие остается Terra incognita, землей неведомой, для большинства. Так было всегда. Только для «подготовленных» современных людей, причем для тех, чье сознание и сердце осолены любовью к Богу, оно может представлять интерес.

▪ Чтобы Евангелие воспринять, нужна тишина и готовность услышать ответ. Господь молчит, потому что человек не прислушивается!

▪ В Евангелии очень видно снисхождение Бога к человеку. И это дает дерзновение. И потом Христос сказал, что совершенная любовь изгоняет страх.

▪ Господь к каждому человеку чрезвычайно милостив. Вообще, эту милость даже невозможно описать! Он с каждым возится, каждому что-то «подкладывает»: где соломки постелет, где человека навстречу пошлет, где – какие-то обстоятельства. И вот так «нянчится» с каждой душой. Поэтому наше участие тут – минимально. Но все-таки оно должно быть.

▪ «Я люблю Бога»... Всякое бывает. И потом любовь – это не абстрактная категория, не какая-то умственная вещь, это состояние души. Ум может пытаться в этом разобраться, но любовь – это данность. Человек даже воспринимает ее как нечто, ниспосланное свыше, а не то, что он выработал своей головой.

▪ Мы все должны учить в школе главному предмету. Первый профилирующий урок на все одиннадцать лет – это семья, любовь.

▪ Любовь – это не чувство, когда все в душе пылает там каким-то огнем, о котором поэты пишут. Это не любовь, неа, это «я хочу иметь». А любовь, это когда «я хочу дать». Свою кровь, свое время, свои силы, свои средства, свой ум.

▪ Любовь – это не абстрактная категория, не какая-то умственная вещь, это состояние души. Ум может пытаться в этом разобраться, но любовь – это данность. Человек даже воспринимает ее как нечто, ниспосланное свыше, а не то, что он выработал своей головой.

▪ Если мы хотим сохраниться в истории, если мы хотим продолжать развивать нашу многонациональную культуру, нам в этом помогут не танки. От разорения и смерти народа нас спасет только большая русская семья.

▪ Семья – это не институт. Институтом называется то, что есть деяние рук человеческих. Например, прокуратура или Росгвардия – это институты, а семью не человек создал. Это творение рук Божьих.

▪ Господь дал человеку семью для чего? Для того, чтобы семья привела его в Царствие Небесное. Семья – это школа любви.

▪ Брак существует не для того, чтобы, обнявшись, телевизор смотреть, а для того, чтобы детей своих привести к Богу. Не батюшка должен твоих детей приводить, а отец должен в домашней церкви, где отец как священник, мать как диакон,

во все ему помощник, в воспитании детей прежде всего! Котлеты или салат «Оливье» – в этом ли жизнь-то вся? Не в еде дело! Душой нужно заниматься. Душой!

▪ У нас женщины сами не понимают, что такое брак. Если женщина живет в так называемом гражданском браке с мужчиной – кто она? Какой у нее статус? Никакого. Она просто оказывает услуги, как бесплатная проститутка. Но признаться в этом не хочет. Поэтому выдумывает: «я – гражданская жена». Не обманывай людей.

▪ Когда мужчина покупает автомобиль, он почему-то его регистрирует. Ему даже дают два регистрационных номера – спереди и сзади. Когда получает квартиру, тоже быстро регистрирует. А брак считается чем-то третьестепенным.

▪ Если мужчина рассуждает, что ему женщина изначально что-то должна, это вообще не мужчина, а какой-то другой фрукт. Может быть, киви...

▪ За неверующего замуж выходить – все равно, что за медведя в цирке: он сейчас на велосипеде ездит, на гармошке играет, а черпез три года он тебя съест.

▪ Наши мужчины – это наша национальная катастрофа. Они бросают своих подруг. Женщина лучшие годы тратит на него. Потом он находит другую. Это вообще бессовестный народ, из маменькиных сынков.

▪ Бог все понимает, все чувствует, Бог ближе самого близкого нам существа. Он знает нас лучше даже, чем мы знаем сами себя. Бог рядом, Он только и ждет, когда мы скажем: «Боже, милостив буди мне, грешному», когда мы наконец поймем, во что мы превратились.

▪ У нашего народа абортное сознание. Владимир Ильич Ленин принудил все медицинское сообщество принять аборт, как такое не только приемлемое, но и желательное явление. И с тех пор мы впереди планеты всей. Массовое убийство русскими людьми русских детей – страшнее Холокоста.

▪ Нет воли Божией, чтобы в России ежегодно 4 млн абортов делали. Никого это уже не ужасает, людям даже лень на сайте зарегистрироваться и написать, что я против. Людей убивают миллионами и все равнодушно.

▪ Суррогатное материнство – худший из видов проституции. Ну, разве суррогатная мать не торгует своим телом? Каждая женщина, которая делает ЭКО (экстракорпоральное – вне тела – оплодотворение), она минимум параллельно делает три-пять абортов. И все это, голубка, будет на твоей шее до смерти, и ответишь за убийство каждого.

▪ Планирование семьи – в одну сторону только. Вы видели где-нибудь такое планирование семьи, чтобы 16 детей родить?

▪ Новые мамочки про детей: «ах, как они мне надоели!». А потом дети начинают по одному умирать – она плачет, а чего ты плачешь? Они же тебе надоели? Вот – один умер. Ну как? Все? Полегче стало? Нет? Сейчас второй помрет. Устала от них – живи тогда одна.

▪ Как многие рассуждают? Ну, лучше детям особо так не налегать на веру, потому что им в жизни будет трудно. Надо, чтоб детям было легко. Такая задача, чтобы им было легко-легко в жизни. Так мы все хотим, чтобы все у них было так безмятежно, беззаботно, чтобы они так вот по глади проскользили и так вот мягко окочурились. Так где-нибудь в хоспесе каком-нибудь. Чтобы в 93 года так на нет бы сошли в таких тихих сновидениях. Мы совсем не хотим, чтобы нашего сыночка там распяли, оплевали, избивали. Этого, конечно, мы не хотим. Мы же не извращенцы, кто же из нормальных, может этого хотеть, но в жизни бывает всякое.

▪ Разве жизнь человека может зависеть от удачи? Это же просто смешно! Нужно, чтобы наши дети нашли смысл жизни, чтобы их жизнь была осмысленной.

▪ Люди, у которых дети учатся за границей, у которых за границей много собственности, большая часть их капиталов за границей – они нам будут говорить о патриотизме? Но мы ж тоже не полные дураки! Взять и спросить: слышь, патриот, а где твои активы? Москва слезам уже не очень верит.

▪ Народ начинает потихоньку воцерковляться, но все-таки в массе своей он пока воспринимает Церковь как что-то отдельное от себя. Часто можно слышать, как многие даже крещенные люди говорят: «Ну что же Церковь не реагирует?» И приходится говорить: «Но ты то же Церковь, давай, реагируй!»

▪ Бороться – удел не Церкви, а самого народа. То, что народ хочет, то и заслужит.

▪ Да если бы за каждый наш грех на нашу голову падал бы кирпич, то за неделю от нас бы уже осталась пирамида Хеопса.

▪ Есть чиновники, которые ходят в храмы каждое воскресенье. Но что значит – ходить в храм? В храмы и воробы залетают, и мыши бывают, и даже коты а видел. Зайти в храм и даже помолиться еще не значит стать христианином. Это только начало. Человека надо учить. Учить любви к ближнему. Вот толстый, сутулый, дурно пахнущий, пьяный человек. Как его любить? Как самого себя. Бывает, что я сам себе противен, но я же не прошу Господа, чтобы мне уютно горячий с пятого этажа на голову упал... Себя же любить.

▪ Иногда говорят так: «Я заходил в церковь, ну вот как-то меня там недостаточно тепло встретили, поэтому я обижен». Знаете, я всегда отвечаю: «Как я вас понимаю. Однажды меня облаяли около кассы, когда я ходил в булочную, и теперь я хлеба не ем категорически».

▪ Покаяние – это вам не «I am sorry».

▪ Можно в храм ходить с утра до вечера, можно все Евангелие выучить наизусть, можно объездить все монастыри, можно облобызать все мощи, можно помогать бедным, нищим, но если мы не будем кроткие и смиренные, благодать Божия в нас не войдет.

▪ Главное в жизни – не то, чего человек достиг. Для Царствия Небесного это вообще ничего не значит. Это влияет только на то, установят на твоём доме плиту бронзовую или гранитную, что ты здесь жил, выбьют на ней всякие медали, для того, чтобы люди ходили мимо и знали, что здесь же жил хитрый Петр Иванович Сидоров, он создал новый ледокол, стал таким-то... Для Царствия Небесного это неважно. Для Царствия Небесного важно, что он приобрел для Бога.

▪ Сейчас, в наше время, чтобы спасти свою душу, не надо быть каким-то особенным подвижником, чтобы на лбу шишка была двадцать сантиметров от поклонов. Не это требуется. Надо быть просто нормальным человеком. Бог от нас никаких подвигов не ждет – просто не скули и делай то, что тебе Бог дал, там, куда Он тебя поставил.

▪ Господь к каждому милостив. Но в Царство Небесное входят исключительно одни желающие...

▪ Думали ли мы когда-нибудь серьезно о том, что если мы умрем в среду, что мы будем делать в четверг? Оказывается, нет. Мы думаем о том, что будем делать здесь завтра или сегодня вечером, а о том, что нас ждет на том свете, мы не думаем. И пусть никто не надеется, что после того, как он умрет, он исчезнет – трава вырастет, и все. Нет, не все, душа бессмертна.